

ЕЩЕ РАЗ ПРО ЛЮБОВЬ

— Иосиф Леонидович, я должен запомнить, на какую реплику в каком сегменте сцены мне нужно находиться...

— Что он говорит? Что такое "сегмент"?

— Танечка, сегмент — это часть.

— Так почему бы Гене не выразиться попроще? Так бы и сказал: в какой, дескать, части...

— Все правильно, Танечка, сегмент — это не просто часть, а часть, тесно связанная с остальными в пределах одного целого. Продолжаем репетицию! Не забывайте, мои дорогие, вы все время словно пританцовываете, маетесь, маета — ваше главное состояние. Еще раз всю сцену с начала...

В это трудно поверить, однако на сцене одесской русской драмы действительно репетирует новый спектакль известный московский режиссер, согласно данным рейтингов, входящий в двадцатку лучших театралов режиссеров России Иосиф Райхельгауз. Обычно о нем говорят также — "бывший одессит", но мы-то знаем, что одесситом бывших не бывает... Долгое время многим казалось, что все разговоры о сотрудничестве театра и постановщика так разговорами и останутся, ведь Райхельгауз ждуть и в Жене, и в Бонне, и в массе других интересных мест, не говоря о Москве, где без него невозможно полноценное существование его театра "Школа современной пьесы". Поговаривали также, будто мастеру такого уровня следует платить слишком высокие гонорары, которые областному театральному коллективу не под силу ни заработать, ни выпросить. Сам Райхельгауз утверждал: вопросы материального характера никогда не будут поставлены во главу угла, если речь идет о спектакле для родного города.

Первоначально планировалась "Чайка" Чехова — Акунина на два вечера, ставшая уже хитом московского сезона. Но... Нашлась другая пьеса, одесская, которая увлекла Иосифа Леонидовича и послужила, на его взгляд, достойным поводом для того, чтобы поработать над постановкой в Южной Пальмире.

К пьесе мы еще вернемся, а пока, затаив дыхание, проследим за работой маэстро. Для нас с фотокором (а точнее, для "Всемирных одесских новостей") Райхельгауз сделал исключение, а вообще-то он сторонник европейской системы, согласно которой представителей прессы допускают даже не на премьеру, а на седьмой-восьмой спектакль, когда все более или менее устанутся и войдет в границы,

очерченные режиссером. Для прессы устраивают после спектакля банкет, и она добреет от полученного внимания... Нам тоже такой расклад нравится, однако профессиональный интерес влечет не только на спектакли, а еще и на репетиции, где видна, пусть в небольшой степени, творческая кухня авторов.

На сцене — заслуженный артист Украины Геннадий Скарга и артистка театра Татьяна Маркова. Впрочем, друг к другу они обращаются сейчас иначе — по пьесе их персонажи носят имена Вера и Константин. Поскольку работа над спектаклем с участием всех служб находится в самом разгаре, декорации еще не выполнены и не смонтированы до конца, но уже понятно: сцена представляет обстановку гостиничного номера из недорогих, с современной мебелью, картинами, техникой. Герои говорят о любви. Да, может быть, о ней все сказано, только кто сказал, что со времен Ромео и Джульетты ничего не изменилось? Наоборот, приходится слышать, будто современный человек утратил потребность в любви, а отсюда и способность искренне чувствовать. Век однообразных вещей и однообразных отношений? Не совсем так...

Артисты то и дело пытаются шутить, по-детски шалить, им явно комфортно с режиссером, но не с текстом, который трогает их за душу. Повторяя свои реплики, Татьяна и Геннадий, похоже, немного стесняются написанных автором нежных слов, трогательных воспоминаний о том, например, как однажды Вера не смогла рано утром покинуть Константина из-за того, что во сне он крепко держал ее за руку, а она, в свою очередь, побоялась его потревожить... Он — умный, жесткий, спортивный, ироничный, она — деловая, чуть погасшая, приглушенная возрастом, жизненным опытом, который лучше всех лекарей лечит от спонтанных проявлений эмоций.

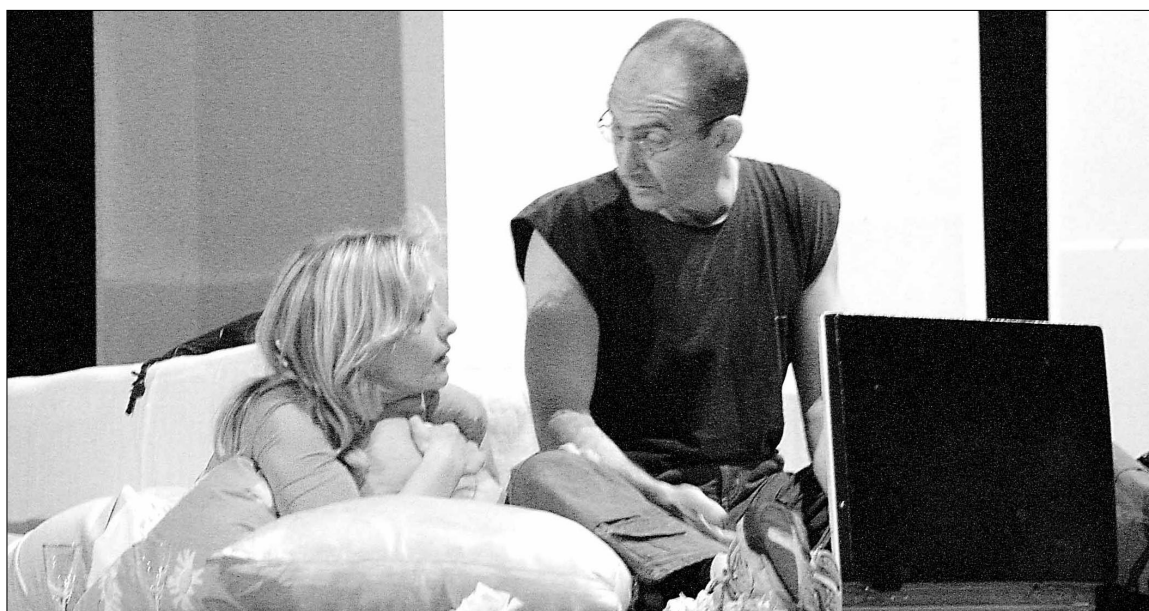
— Костя, я часто думала... Люди любят друг друга, после них остаются дети. Пишут друг другу — остаются письма. А что останется от нас? Счета на мобильные телефоны?

— У нас с тобой через полгода внук родится.

— Уже?!

— Что значит — "уже"? Нашим детям "уже" за тридцать, давно пора!

Иосиф Леонидович отвлекается на звонок мобильного телефона (здоровье дочери Маши, с которой он приехал в Одессу, вызывает беспокойство), а потом просит за это прощения у артистов, предлагая повторить сцену

заново. Иные режиссеры во время репетиций орут почему зря на артистов, топают ногами, и, как ни странно, такой подход также бывает оправдан и приносит неплохие творческие результаты. С Райхельгаузом все по-другому. Его интеллигентность и чувство собственного достоинства диктуют мягкую манеру общения с ак-

терами, и, тем не менее, все происходит так, как того хочет он. Присутствующая на репетиции балетмейстер спектакля Юлия Пурина пытается убедить режиссера, что участие балета должно быть более заметным (молодость имеет свои права), и даже восклицает в запальчивости:

— Зачем вы взяли балет?

— Как — зачем? Балет — это наше украшение, — смеется мэтр, утешая Юленьку, а сам проводит репетицию дальше, четко определяя место каждого танцовщика на сцене и в действе.

Собственно, "балет" — это громко сказано, просто группа

молодых артистов театра-студии "Тур де форс" принимает активное участие в происходящем, обозначая массовку, рабочих сцены, бег времени (перечень ассоциаций можно множить), сосуществовая с героями и ни в коем случае не выходя на первый план, не поражая какими-то особыми танцевальными эскападами. Сейчас репетируется финальная сцена, по времени относящаяся к 2005 году (первое действие начинается в 1975-м), когда Константин и Вера, тридцать лет любившие друг друга, но встречавшиеся от случая к случаю — ведь на момент знакомства у каждого уже была своя семья, — готовятся к свадьбе своих детей, также полюболюбивших друг друга... Предпраздничная суета, гостиничный номер Веры заставлен вазами с букетами цветов, рядом на веранде танцует молодежь, а герои смущены, гадая: знают ли его дочь и ее сын о чувстве, пронесенном родителями через тридцать лет? И что впереди?

Театралы со стажем наверняка помнят шедшую свыше десяти лет назад на сцене той же русской драмы постановку пьесы американского драматурга Бернарда Слейда "В будущем году, в то же время". Автор исследовал ту же проблему вспыхнувшего между несвободными людьми сильного чувства. Играли тогда Лев Котляр и Наталья Гриншпун, пьеса вообще триумфально прошла по всему бывшему Союзу, особенно прославился дуэт Татьяна Васильева — Константин Райкин. Трогательная, порой смешная, местами грустная, она насыщена сугубо американскими жизненными реалиями, причем симпатии автора явно оказались на стороне женщины, на протяжении многих лет постоянно развивавшейся как личность, менявшейся порой до неузнаваемости как внешне, так и в плане профессии, увлечений, политических симпатий. Герою оставалось лишь растерянно и восхищенно наблюдать за ней во время ежегодных встреч в тихой гостинице, где не встретишь ни знакомых, ни сослуживцев, способных разоблачить "преступников".

Автор повода сегодняшних репетиций, опубликованной в прошлом году в альманахе "Дерибасовская — Ришельевская" пьесы "Лист ожиданий", одессит Александр Мардань, не скрывает, что вдохновил его именно Бернад Слейд. Действующие лица — Он, Она и Время. Советская курортная Ялта, населенный "челночниками" Стамбул начала девяностых, Одесса сумбурного 1994 года, снова Ялта — меняются места встреч, адреса гостиниц, номера телефонов, в том числе и мобильных, остается взаимное притяжение влюбленных.

Иосиф Райхельгауз увидел в этой истории что-то свое, он во-

обще испытывает необычайный интерес к вопросу времени, исследованиям в области собственного опыта, связанного с недавним прошлым. В одном из интервью режиссер обмолвился, что поставит "Лист ожиданий", в чем-то споря с драматургом и одновременно "вытаскивая" из исполнитель их собственные истории. Нет сомнения — намеченная на октябрь премьера окажется весьма интересной и затронет души очень многих зрителей хотя бы потому, что поведает не о мировоззренческих проблемах древних греков или дворцовых интригах, стенаниях "тети Мани да дяди Вани", не актуальных шекспировских страстях, реалиях жизни вельмож мольеровских времен, а о том, что действительно волнует публику на сегодняшний день. И мы попробуем после просмотра уже готового спектакля осмыслить все происшедшее за тридцать, двадцать или даже только десять последних лет с нами, с нашим обществом, с нашей способностью испытывать любовь. В финале Константин и Вера останутся на сцене возле гримировального столика, снимут актерский грим и выйдут на поклон к зрителям уже не "в образе", а просто в качестве современников, так же стремящихся разобраться в нынешней непростой жизни, как сидящие в зале.

Думается, такой театр должен объединять, сплачивать людей. А, согласитесь, досадно, когда на сцене видишь нечто совершенно вразрез идущее с тем, что тебя хоть как-то бы затронуло. Будем надеяться, пьесе одессита ждет множество интересных прочтений и трактовок. Во всяком случае, в Липецке тоже идет подготовка спектакля "Лист ожиданий", и вот что интересно: в качестве художника-постановщика привлечена дочь Иосифа Райхельгауза Мария Хазова. Здесь также что-то удивительным образом совпало.

За два часа, проведенных на репетиции, мы увидели, как подробно, "по сегментам", как того хотелось Геннадью Скарге, Райхельгауз показывает артистам весь путь их героев по сцене. Какие-то тонкие психологические моменты были уже явно выверены во время так называемого застольного периода работы над будущим спектаклем. Удачным оказался выбор исполнительницы, интригующей — роль балета, плодотворным — сотрудничество с руководителем музыкальной части Евгенией Ермаковой, создавшей "партитуру" из хитов эстрады за тридцатилетний период. Остается проявить немного терпения и дожидаться премьеры, чтобы пережить все заново, поностальгировать. Как знать, может быть, режиссеру удастся вытащить свою историю из каждого зрителя?

Мария ГУДЫМА.
Фото Олега Владимирского.

